

Моим родителям, Юре и Лиде

Не пропускайте автобус в лето.
Запрыгивайте на подножку.
Даже зайцем.
В следующий раз он может не прийти.

«В хоккей играют настоящие мужчины! Трус не играет в хоккей». Слова советской песни постоянно крутились в голове. Я смотрел на мужиков, которые были на льду. Крутая коробка. Дорогая аренда. Латы с головы до пят. Играют — не торопятся, солидно. Без смен. Редко кто выкатит на лед со скамейки.

А в глазах коробка в военном городке. Семидесятые. Тамбовская область. Весь состав жителей в воскресенье на матче. Болеют за своих. Три группы. Я в самой младшей. Да и там самый младший.

Мне недавно исполнилось шесть лет.

Ноги ломит просто до слез. Сил едва хватает — секунд на сорок смены. Глаза в слезах, которые застывают от мороза. На улице под минус двадцать.

Рядом дядя Валя. Отец лучшего друга и партнера по пятерке и по совместительству тренер.

«Димку на поле!» — кричат на трибунах. Я не понимаю, почему дядя Валя улыбается. Мне не понять его улыбки.

Мне хочется на поле, но страшно болит сломанное ребро. Мама, догадываясь, что оно сломано, просто заставила снять коньки.

А я хочу на свой правый фланг. Я хочу прорваться к воротам и забить шайбу.

А дядя Валя улыбается.

Сегодня я понял его улыбку.

Память. Как все в ней переплетается.

Запахи, картины. Все перемешано, и остается чувство.

Большая колонна детей перед зданием школы. Все собрались на демонстрацию. Солнечно. В руках портреты вождей. Плакаты.

Ребята, друзья, знакомые.

И запах горелых листьев, которые горят по всему городку. Так принято — собирать в кучи листья и жечь.

Воздух невероятно чист. Его чистота захватывает все твоё естество. Он наполняет всего тебя..

Среди колонны есть и она.

Ты смеешься, шутишь, дерешься с друзьями. Вам весело. Ты наполнен чистотой, как этот воздух.

А среди других классов идет и она.

Ты не подходишь, ты бережешь в себе эту тайну. Тайну вчерашнего дня.

Тайну прикосновения к ее руке.

И дым горелых листьев.

Запах ее волос перемешивается с воздухом, листьями, с тобой самим.

Проезжая по этому мосту, я всегда помню.
О правой стороне реки.

Сейчас там новые дома. Большие дороги.

А я вижу чистое поле. С маленькими кустами.

И лодку. С веслами.

Она качается на волнах.

Все пассажиры уже на берегу.

Три парня и две девчонки.

Одна из них ты.

В джинсах. И свитере.

Белом свитере крупной вязки.

Ты учишься в девятом классе.

Вместе с подружкой ты на каникулах. Гуляете по своему району.

Новостройка.

Вы смеетесь. Вам хорошо оттого, что вы есть.

В вас клокочет жизнь.

Так и должно быть в пятнадцать лет.

Ты еще не встретила меня.
Я в армии.
Ты влюблена в мальчишку из десятого класса.
Твоя подружка дружит с его другом.
Вы ждете вечера.
Поедете в центр города. Смотреть кино.
А пока вы смеетесь и идете вдоль реки.
Бросаете камни. Ты всегда была почти маль-
чишкой.
Узкие бедра. Короткая стрижка.

Вам хочется приключений. Вы читаете много книг.

Мимо проплывает лодка.

В ней трое симпатичных парней.

Они гораздо старше тебя и твоей подруги.

Вы садитесь в лодку.

Смеетесь. Вместе с ними гребете.

Уключины скрипят. Брызги летят на вас.

Берег уже рядом. Скоро можно разворачиваться и плыть обратно.

Вам предлагают сойти на берег и нарвать полевых цветов.

Вы бежите по полю.

Их так много. Фиолетовых, желтых.

А потом при тебе насилуют подругу.

Грубо. Бьют по лицу. Рвут одежду.

Ты падаешь в грязь на колени и плачешь.

Ты умоляешь.

Они уплывают на лодке одни.

МИШКИ

Посылка на мой день рождения пришла огромная. Через международную почту. Штемпель стоял на немецком языке. Посылка была из Австрии.

Из этой страны мог прислать только старший брат. Вся семья старшего брата.

Удивительно, но я очень обрадовался посылке. Удивился не тому факту, что брат вспомнил о моем дне рождения. Нет. Обрадовался именно посылке, а не «передатке» с проводником поезда Вена — Москва. В этом заключалась тайна, сюрприз. Я, сорокалетний, почувствовал себя ребенком, который достает коробку с бантиком из-под елки.

Загрузил в машину. Поехал на работу. Открыть решил вечером, хотя знал: там мог быть только ковер. С мишками.

Новый, 1973 год мы встречали дома! Я, мой старший брат, которому исполнилось девять лет. Мама и папа. Молодые. Веселые.

Они встречали Новый год, а я ждал боя курантов. Нет. Не потому, что за этим последуют подарки. Я, четырехлетний, помнил прошлый праздник. Год назад. Часы во весь экран телевизора. Удары курантов. Чудесный мир, мир, в котором живешь как в сказке. Пусть и всего минуту.

На столе поблескивал боками самовар! Отец подарил маме перед самым праздником. Пусть и электрический, но самовар. Со всем не чайник. Брат с мамой сварили сахар с молоком. Заморозили в холодильнике. Раскололи на кусочки. Так бабушка Настя делала в деревне. Мама говорила. Про деда, что он любил, когда все за столом пьют чай с сахаром. Вприкуску.

«Голубой огонек». Поют красивые тети и строгие дяди. И фокусник подбрасывает шары. Для меня он был фокусником.

Брат тоже фокусник. Подбрасывает шапку. меховую. Достал из шкафа в коридоре.

Резкая боль пронзила мгновенно. Я совсем не увидел, что случилось. В глазах пошли круги.